

МАРИНА ЕФИМКИНЮК

ЦВЕТОЧНОЕ
НЕДОРАЗУМЕННИЕ

Марина Владимировна Ефиминюк

Цветочное недоразумение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69780847

SelfPub; 2023

Аннотация

Виолу Фэйр, выпускницу пансиона, от самостоятельной жизни отделяет один шаг. Вернее, один человек: опекун Ричард Ховард. Он хозяин издательского дома, привык читать людей как открытую книгу и точно знает, что надо юной леди, увлеченной составлением букетов. И это точно не собственная цветочная лавка! Тогда Виола идет на хитрость...

Марина Ефиминюк

Цветочное недоразумение

Приемная Ричарда Ховарда, хозяина издательского дома «Ховард и сын», оказалась безнадежно пуста. За большим рабочим столом стоял стул, а секретаря не было. Я тоже стояла. В помятом дорожном платье, с саквояжем в одной руке и с букетом в коричневой бумаге – в другой. И решительно планировала покончить с опекуном!

В смысле, расстаться с ним.

Ой!

Потребовать отказаться от меня...

Попросить!

Ну, вы поняли.

Опекунство надо мной Ричарду Ховарду досталось по завещанию от отца. Вместе с издательским домом, типографией и книжными магазинчиками. В общем, я была не самой важной частью наследства. Да и не самой благородной, будем честны. Пусть и окончила пансион для магически одаренных девиц из хороших семей.

Но благородную из меня почти сделали. За десять-то лет! Ладно... Старались сделать. Они, в пансионе, не виноваты, что ботаника мне всегда нравилась больше уроков хороших манер. Пять дней назад я выпустилась, решительно настроилась забрать оставшиеся от моих родителей золотые и от-

крыть цветочную лавку. Каждая цветочная фея о такой мечтает!

Заставив меня восторгнуться, открылась дверь кабинета. В приемную вышел худощавый темноволосый мужчина в строгом костюме. Он на ходу изучал бумаги, но резко поднял голову и остановился.

В карих глазах не мелькнуло ни проблеска узнавания. Похоже, с памятью у людей в столь почтенном возрасте совсем плохо. Все-таки тридцать с лишним лет! Но сам-то опекун держался молодцом: в густых волосах ни одного седого волоска, а взгляд острый.

– Здравствуйте, господин Ховард! – звонко поздоровалась я.

Мы виделись три года назад на похоронах его уважаемого отца. Тогда я собрала букет в знак искренних соболезнований: хризантемы, бархатцы и мята, перевязанные черной лентой. Прощальный подарок замечательному человеку, который много лет оплачивал осиротевшей дочери своего бывшего садовника приличный пансион и берёг для нее небольшое родительское наследство. Ричард тогда спросил, кто возложил чайный набор. Дескать, его отец всегда любил кофе...

– Я Виола, – напомнила опекуну и сунула букет ему под нос: – Это Вам.

В недоумении он посмотрел внутрь оберточной бумаги.

– Что это?

– Букет из первоцвета и веточек боярышника. – охотно пояснила я. – Символ надежды на новые перспективы.

Он уже понял тонкий намек, какие именно я питаю надежды или нет?

Похоже, что понял, раз не торопился забирать подарок. Между прочим, несчастные цветочки целую ночь вместе со мной тряслись в почтовой карете под храп соседа и заслужили быть принятыми с благодарностью. Бедняжки измучились и только на магии продержались!

– Безмерно рад, что вы вдумчиво подошли к своему появлению, но больше не опаздывайте к началу рабочего дня.

– Простите, господин Ховард! – искренне извинилась я, хотя понятия не имела, что опоздала. – Заблудилась возле вокзала и села на омнибус в другую сторону...

– Перепишите! – он сунул мне стопку листов.

От неожиданности я выпустила ручку саквояжа, отчего тот кулем плюхнулся под ноги, и подхватила измятые странички. Это что, какой-то экзамен на самостоятельность?

– Но, господин Ховард, я пишу до ужаса неразборчиво, – посчитала необходимым предупредить, что мой почерк далек от идеала.

– Принесете мне через час, – проигнорировал он все предупреждения и вернулся кабинет.

– И с ошибками!

Дверь категорично захлопнулась. Я моргнула и, постояв столбом еще чуточку, растерянно оглядела пустующее сек-

ретарское место. Саквояж отправился в ноги под стол, измученный букет лег на подоконник, а я закатала рукава, поправила стопку чистой писчей бумаги и сняла с чернильницы крышечку. В воздухе запахло медовыми чернилами...

Через час напряженной работы была поставлена последняя точка. Размяв шею, я посмотрела на дело рук своих. Гордиться, прямо сказать, было особенно нечем. Шаблона с линейками нам с этим странным текстом о книге про призраков явно недоставало. Строчки разбегались, хвостики лихо закручивались в разные стороны.

– А я предупреждала, – пробормотала себе под нос.

Со стопкой исписанных листов я осторожно постучалась к опекуну.

– Входите, Виола! – раздался категорический голос резко, как сигнал медной трубы, Ховарда.

Я приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Его кабинет оказался светлым и похожим на музей. На стене в золотых рамках висели благодарственные письма, в книжных шкафах, как на выставке, развернутые обложками стояли разные книги. Сам опекун восседал в кресле за огромным письменным столом и читал какой-то буклет.

– Закончили? – он оторвался от чтения и бросил на меня ужасно раздраженный взгляд. – Давайте.

Едва листы попали ему в руки, как карие глаза округлились от удивления:

– Вы шифровали записи?

– Я говорила, что у меня неразборчивый почерк, – заметила я.

– Переписать! – Он швырнул стопку на стол.

– Еще раз?! – В искреннем ужасе отшатнувшись, я прижала руку к кольнувшему сердцу. Никак, началась аллергия на чистописание. – Господин Ховард, это лучшее на что я способна!

– Выходит, Виола, вы ни на что не способны?

А вопрос-то с подвохом! Учítывая, что я собиралась заявить, дескать, совсем взрослая и не нуждаюсь в опекуне.

– Перепишу еще раз.

В приемной неожиданно обнаружилась кудрявая девушка со строгими очками на носу и в траурном черном платье, застегнутом до самого подбородка. Она прижимала к груди завернутый в почтовую бумагу увесистый сверток и выглядела крайне нервной.

– Вы помощница господина Ховарда? – ринулась она ко мне.

– Подопечная.

– Он у себя? Могу я к нему зайти?

С недоумением я оглянулась на закрытую дверь кабинета и пожала плечами:

– Идите.

– Что... правда?! – натуральным образом опешила она. – Прямо вот так запросто могу войти?

– Да, – кивнула я, но ради женской солидарности все-таки

предупредила: – но вы поосторожнее: настроение у господина Ховарда, скажу вам, паршивое.

Она помахала ладошкой перед горящим лицом и пробормотала:

– Помогите мне Великий! Наконец-то я к нему прорвалась!

Взяв себя в руки, визитерша решительно выдохнула, пересекла приемную и тихонечко поскреблась в дверь, словно к порогу решимость подрастеряла. Не дождавсь разрешения войти, она скользнула внутрь. Тяжелая дверь начала медленно раскрываться.

– Доброе утро, господин Ховард! Меня зовут Прицилла Алеф! Я принесла вам свой роман! – на одном дыхании выпалила гостья.

Молчание со стороны опекуна показалось столь красноречивым, что дурак бы понял: писателям вход в этот кабинет был строго воспрещен. Вплоть до сегодняшнего утра.

Кто же знал, что девушка – не просто какая-то девушка со свертком? Я же никогда не видела настоящих живых писателей. Мертвых, понятно, тоже. Оказывается, они ничем не отличаются от обычных людей. Так хорошо маскируются!

– А это должно быть... – между тем прозвучал голос опекуна, говорившего с подозрительной вкрадчивостью.

– Вы правы: моя рукопись! – воскликнула госпожа Алеф.

Похоже, он не злился. Я смущенно присела на самый краешек стула. Понятно, что разместиться с комфортом никто не запрещал, но казалось, будто теперь комфорт – незаслужен-

ная привилегия и непременно надо сделать господину Ховарду что-нибудь хорошее, чтобы ее вернуть. Принести нюхательных солей, воды, успокоительных капель... яду. Или просто тринадцать раз начисто переписать этот странный текст. Знаете, как письмо счастья, которое по ночам тишком бросают в почтовый ящик соседей?

– Называется «Веселые будни в сельской глуши», – продолжила визитерша. – Вы не пожалеете, господин Ховард, если возьмете мой роман в публикацию! Понимаете?

– Пока нет, – честно признался он. – О чем ваш роман?

– Комедия с положений о сельских буднях! Абсолютно оригинальная, свежая идея. В моей книге не какие-то там шаблонные персонажи. Знаете, как у нас любят писать: невеста с характером и суровый мужчина, которым не хватает недостатков или странного хобби? Нет! Мои герои не такие! Главный герой – хромой, одноглазый маг, потерявший магию, а главная героиня... Вы готовы?

– Я весь во внимании, – сухо отозвался Ховард.

– Женщина среднего возраста с надломленной душой, коллекционирующая полосатые носки и пережившая смерть любимого ручного дракончика! Вам нравятся ручные драконы?

– Терпеть не могу, – вздохнул он.

– А полосатые носки? – с надеждой уточнила писательница. – Все любят полосатые носки.

– Госпожа...

– Прицилла Алеф! Если что, это мое настоящее имя. Не какой-то там выдуманный псевдоним.

– Прицилла, – перешел Ричард на доверительный тон, – напомним: в каком жанре ваш роман?

– В комедийном.

– Прекрасно.

– Вы тоже считаете, что юмор – перспективное направление в литературе?

– Тут вы правы: юмор перспективен и любим... – Раздался тихий стук, словно он побарабанил пальцами по столу. – Вы что-нибудь слышали о книге Амалии Блум?

– Да кто же о ней не слышал? – в голосе писательницы зазвучали возмущенные интонации. – Ужаснейшая безвкусица с отвратительным названием. Я прочитала эту... «Порочную страсть», чтобы понимать, от каких книг следует держаться подальше. Вы знаете, что в ней есть картинки? Неприличные!

– Да, я сам выбирал эти иллюстрации.

– Но это же эротика ради эротики! – воскликнула писательница. – У героев вообще нет никаких шрамов!

– Вот именно! – Раздался щелчок пальцами. – Прекрасный пример, как автор понимает желания своих читательниц! А что смешного в хромоногом, одноглазом маге и побитой жизнью любительнице ручных драконов? Шутить над ними грешно.

– Но...

– И несмешно.

Последовала долгая пауза, а потом вдруг странный звук, словно девица заквакала. Неожиданно стало ясно, что Прицилла Алеф рыдает.

– И что же мне сделать? – провыла она.

– Переписать.

– В смысле? – Похоже, писательница резко передумала плакать и поперхнулась от испуга. – Сколько глав?

– Все.

– С самого начала до самого конца? – ужаснулась она и напомнила: – Я в первый-то раз эту книгу писала пять лет.

Бедняжка! Мне-то всего ничего переписывать, а у нее там целая пачка. За пять лет точно не одну сотню страниц накропаешь.

– Прекрасно! Встретимся с вами в этом же кабинете еще через пять лет. Удачи, госпожа Алеф, – без особых церемоний выставил он девушку за порог. – И рукопись тоже заберите.

Низко опустив голову и прижимая к груди пачку рукописных листов с надорванной упаковкой, писательница вылетела из кабинета, промчалась через приемную и выскочила в коридор.

Через некоторое время Ховард тоже вышел и на ходу рявкнул:

– Виола, идем!

Спрашивать, куда меня поведет раздраженный опекун,

постеснялась. Может, наконец решил накормить. Есть, признаться, очень хотелось. С ночи, кроме булочки с изюмом, во рту больше ничего не было. Еще чуток погрызла лакированный кончик пера, пока сидела в приемной, но исключительно случайно. По дурной привычке.

– Иду! – обрадовалась я и нырнула под стол за саквояжем.

Правда, когда выныривала на поверхность, так ударилась затылком о крышку, что с чернильницы со звоном свалилась крышечка, а перед глазами поплыли звездочки.

– Что вы делаете? – раздался сдержанный вопрос.

– Достаяю свои вещи, – потирая ушибленную голову, простонала я.

– Вы потащите сумку с собой? – Ховард недоуменно выгнул брови. – Позвольте спросить: зачем?

– Вдруг ее украдут? Или дверь кабинета запирается на замок? – въедливо уточнила я.

У опекуна сделался такой вид, словно ему очень больно отдавили ногу высоким каблуком. Без лишних комментариев с его стороны, я засунула сумку обратно, аккуратно подпихнула ее носом туфли и, пригладив ладонью торчащие в разные стороны темные волосы, бочком вышла из-за стола.

– Я готова, господин Ховард.

Но никто не способен подготовиться к длинному изнурительному дню в издательском доме «Ховард и сын»! Мы не собирались обедать, как требовал организм, здравый смысл и, будем честны, законы гостеприимства, а отправились лю-

боваться на акварельные картинки к какой-то книге (скверные, перепутали садовые ромашки и астры).

Еще мне вручили блокнот для записей, чтобы все слова опекуна были законспектированы. Слышала как-то, что за его величеством Карлом Фердинаном Пармиинским личный писарь тоже записывал каждый звук. Я делала как тот писарь, но плохим почерком... Пока не потеряла блокнот где-то между этажами. Вместе с ручкой с золотым пером. Понятия не имею, куда они делись. Семь раз перед Ричардом извинилась – возможно, ручка и блокнот были ему дороги.

А после путешествия по зданию издательского дома, закончившегося неловкой потерей, из цветочной феи мне пришлось превратиться в злобную гаргулью и защищать грудью дверь в кабинет опекуна. К нему пыталась прорваться дама с ручным драконом. Дракон шипел, мадам тоже шипела и почти выпускала дым из ноздрей. Было страшно, но дверь я отстояла!

Потом оказалось, что именно эту визитершу Ховард очень ждал. Мне пришлось скакать за ней с извинениями и повядшим без водички «символом надежды на новые перспективы». Дама попыталась символ вышвырнуть, а цветочки, между прочим, такого жестокого обращения не заслужили! Цветочная фея тоже не заслужила и вспомнила, что она, конечно, за десять лет в пансионе получила налет благородности, но совсем благородной не сделалась. В общем, лазейка для дурного поведения оставалась...

Ричард Ховард рвал и метал. Мысленно. В смысле, он так грозно и напряженно смотрел в окно, что было странно, как ему еще не свело шею. Я прижимала к груди спасенный букет в изодранной бумаге. Из прорехи вылезала колючая лапка боярышника и доверчиво цеплялась за рукав платья с перепачканным чернилами белым манжетом.

Опекун развернулся и окатил меня тяжелым взглядом. На фоне большого окна его высокая фигура в темном костюме выглядела значительной и мрачной.

– Буду откровенным, Виола, – ледяным голосом, от которого по спине побежали мурашки, проговорил он. – Нам с вами не по пути!

В первую секунду я не поверила своим ушам: он меня отпускает? Вот так запросто?

– Правда?! – В голосе прозвучала почти неприличная радость. – Я могу прямо сегодня уйти?

– Сегодня? Сейчас! Вместе со всеми вещами.

От возбуждения я вскочила на ноги.

– Спасибо, господин Ховард! Огромное спасибо! Вы были прекрасным опекуном. Очень заботливым... Нет, вы, конечно, были не очень заботливым, но вовремя платить за пансион тоже своего рода забота. Так ведь? И я благодарна за хорошее отношение, но нам на самом деле пришлось время разойтись в разные стороны...

По мере моей пламенной речи с Ричарда сходил гнев. Лицо медленно вытягивалось, в нем проявилось недоумение,

быстро сменившееся удивлением. Он спрятал руки в карманы. Из-за этих нервирующих изменений к концу тирады я начала терять уверенность.

– ...И я хочу забрать родительское наследство. Не прямо сегодня, но лучше все-таки сегодня, – медленно произнесла я, приглядываясь к нему. – Почему вы так на меня смотрите?

Как на ростовщика, лично заявившегося выбивать долг! Может, у него деньги в дело вложены: в книжки с картинками, магазинчики с журналами, а я пришла требовать наследство?

– Виола Фэйр? – вымолвил он, и его глазах наконец-то появилось узнавание.

– Здравствуйте, господин Ховард, – зачем-то поздоровалась я, словно не он целый день тянул из меня жизненные соки, как хищная мухоловка из маленькой безобидной мухи.

– Ты очень выросла.

– Я окончила пансион.

– Уже? – удивился он. – Почему не написала, когда приедешь в столицу?

– Я писала вашему секретарю.

Мы задумчиво посмотрели в сторону открытой двери в приемную, и в кабинете повисло неловкое молчание. По всей видимости, личный помощник сбежал от господина Ховарда раньше, чем рассказал о скором визите подопечной. И случилась страшная неразбериха.

В конечном итоге больше всего повезло букету: он до-

ждался вазу с водой и теперь на подоконнике счастливо грелся под солнечными лучами. От капли живительной магии первоцвет вернул свежесть и гордо поднял головки с желтыми мелкими соцветиями. Боярышник все еще обижался. Темно-зеленые жесткие листики ершились, а колючки щерились. Обидели благородное растение!

Обидчик, между тем, преспокойно сидел за столом, с живым интересом изучал мой диплом и постукивал пальцами по крышке стола. Буду честной, мои академические успехи назвать успехами не решится ни один оптимист... В мире еще не родился настолько неунывающий человек.

– У меня высший балл по ботанике, – заострила я внимание опекуна на единственной среди бесславных «удовлетворительно» достойной оценке.

Между прочим, ботаника – главная наука в жизни хозяйки цветочной лавки. Музицирование в составлении символических и красивых букетов ровным счетом ничем не поможет.

Вдруг вспомнилось позорное «плохо» за арифметику, которое как бы тонко намекало, что эта девица плохо считает и денег до совершеннолетия ей лучше не давать. Глядишь, к двадцати одному году она, эта глупая цветочная фея, научится считать на пальцах.

– «Плохо» по арифметике поставлено незаслуженно, – быстро добавила я. – Там не просто «плохо».

– Еще хуже? – как будто удивился Ричард.

– Нет же! Мне снизили балл! – возмутилась я. – Там должно стоять «плохо» с плюсом, но плюсы в дипломы не пишут.

– Это они напрасно, – хмыкнул он, откладывая отвратительную бумаженцию, и взял в руки подсунутый вместе с дипломом отказ от опекуна.

Между прочим, документ составил муж моей лучшей подруги Джози. Он служит младшим помощником законника в Депшире и сечет в составлении официальных бумаг.

– Я обещал покойному отцу, что присмотрю за тобой до совершеннолетия, – произнес Ричард.

– Но я не могу вас обременять еще три года.

И ждать! Выставленный на продажу магазинчик на рыночной площади Депшира, идеальный под цветочную лавку, вот-вот уйдет в лапы грубого мясника. Хозяин, конечно, обещал придержать продажу, но не на три года!

– Ты меня не обременяешь, – уверил опекун.

В голове я судорожно перебирала достойные причины, по каким Ричард Ховард будет обязан отказаться от опекуна. Ведь заикнешься о собственном деле, не увидишь свободы и денег до второго пришествия Великого. Хотя, конечно, вряд ли пришествие случится после моего совершеннолетия.

И вспомнила причину! Не самая выдающаяся, конечно, идея, но других у меня просто не было.

– В следующем месяце я выхожу замуж, – мысленно скрестив пальцы, объявила я. – Мне больше не нужен опекун.

– Замуж? – Ричард удивленно изогнул брови, словно я со-

бралась не замуж, а добровольцем на каменоломни. – Уже?

– Мне почти девятнадцать, – подсказала я.

– Почти, – выделил опекун. – За кого?

– За мужчину, – подсказала я (возраст все-таки, вдруг он чего попутает?). – Мы давно с ним знакомы. Целый год! Очень хороший человек. Нас представили на танцевальном вечере в пансионе.

А что по бальным танцам у меня «очень плохо», так не всем цветочным феям даются полька и вальс. Некоторым (мне) еще в колыбели драконы отдавили ногу. Заодно и ухо, поэтому музицировала я тоже из рук вон плохо. При моем появлении учебное фортепьяно так расстраивалось, что немедленно начинало фальшивить.

Ричард постучал пальцами по столу, о чем-то размышляя, и спросил:

– Где он?

– Кто?

– Жених.

– В Дешпире, – мигом нашлась я.

– Он не приехал с тобой? – в голосе опекуна прозвучало возмущение. – Отпустил одну в столицу и даже не сопроводил?

– Но он посадил меня на почтовую карету и благословил на хорошую дорогу.

– Он проповедник? – резковатым тоном уточнил Ричард.

– Почему проповедник? – моргнула я. – Он... занимается

продажей ручных драконов.

– И имя у него есть?

– Е-есть, – неуверенно протянула я.

И хотя контекст не намекал, но при слове «есть» перед мысленным взором появилась тарелка с наваристым рагу. Рагу хотелось страшно.

– Какое? – допытывался Ричард с вьедливостью опытного сыщика.

– Красивое! – уверила я. – Патрик.

Какой еще Патрик?! В мире столько замечательных мужских имен: Фердинанд, Эдвард... Ронан, в конце концов. А Патриком зовут старого козла, живущего в маленьком зверинце при пансионе. Бородатого, рогатого, бодучего козла! От него, простите, молока нет, тем более какого-то толка.

– Пусть он придет. Пригласи его, – потребовал опекун жениха «на ковер».

– Зачем? – испугалась я и даже чуток выпрямила спину.

– Хочу с ним познакомиться. Как твой опекун я обязан узнать, кому вверяю заботу о твоём благополучии, – пояснил Ричард и убрал бумагу с отказом в ящик стола. – Скажу больше, он был обязан официально просить твоей руки.

– Давайте вдвоем решим, – быстро предложила я. – Патрик уже попросил у меня руку и сердце, а сейчас он очень занят! У него как раз приплод родился... вылупился. В общем, драконы размножились и развелись. Дел столько, что поесть толком некогда.

На «поесть» в животе обиженно и громко заурчало. У меня вспыхнули от неловкости щеки. Опекун выглядел невозмутимым и неприступным. Бульканья не услышал, несуществующего Патрика по-прежнему осуждал. Бедный Патрик! И я не то чтобы бедная, но очень голодная.

– Поживешь в моем доме, пока он не приедет, – даже бровью не повел Ричард. – Передам тебя... из рук в руки.

– Сегодня же ему напишу! – решительно пообещала я. – Вы убедитесь, что он достойный человек.

Осталась самая малость: найти этого человека. Достоинство или не очень достойного – вообще без разницы. Мне с ним одну цветочную клумбу не копать и замуж не выходить. В смысле, по-настоящему не выходить.

В столичном особняке Ховардов мне бывать не доводилось – отец служил в загородном поместье, и осматривалась я с интересом. Дом походил на своего нынешнего хозяина: элегантный и совершенно негостеприимный. На стенах строгие ткани, под ногами наборный паркет. Ни одного живого растения!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.